

Чистый солнечный свет пробивался сквозь верхушки деревьев и падал на землю, в полумраке кружились пылинки.

У тенистой аллеи стоял юноша в черном худи. Он был худощавого телосложения, и когда он повернул голову, на его белоснежной шее показался намек на татуировку.

Напротив него стоял другой человек, чуть выше ростом, с открытым и ясным лицом, от которого веяло ученым духом. Тонкая оправа очков на его переносице съезжала вниз при каждом движении, когда он заговорил:

— Сяо Шу, Юй-юй уже понял, что был неправ. Все мы братья, к чему портить отношения из-за пустяков?

Его голос звучал плавно и неторопливо, напоминая древнего наставника, обучающего учеников грамоте.

Тон и манера речи были чрезвычайно мягкими, казалось, речь шла о сущая чепухе. Пальцы Шэнь Синлани едва заметно шевельнулись, он размял тело, перевел взгляд на собеседника, замер и с легкой улыбкой произвел:

— Братец прав. Хэ Юй всего лишь по неосторожности разбил мои часы, но раз уж он осознал свою вину, то требовать возмещения их полной стоимости ведь вполне разумно?

Хэ Шэньюань заикнулся, и оправа очков чуть ли не соскользнула с носа. Он протянул руку, чтобы поправить их, а в его голосе примешалась доля беспомощности:

— Ты... ты ведь прекрасно знаешь, что ему это не по карману.

Хэ Юй был сыном, которого семья Хэ признала совсем недавно. Он вырос в бедных приграничных городах и до семнадцати лет жил там. Когда он вернулся в семью Хэ, вся одежда на нем стоила в сумме меньше двухсот юаней, и тогда мать Хэ чуть не прослезилась от жалости.

Жизнь, которую вел Хэ Шу, по сравнению с его существованием казалась сущим раем: с самого детства он не знал нужды, ел и носил все самое лучшее, а его одежда стоила не меньше десяти тысяч юаней за вещь.

Те случайно разбитые часы стоили около ста тысяч. Для Хэ Шу это были сущие гроши, но для Хэ Юя — астрономическая сумма.

Подумаешь, какие-то ничтожные часы! У него ведь столько карманных денег на месяц, к чему так упорно цепляться за это?

Хэ Шэньюань не мог этого понять. Взгляд за стеклами очков легко блеснул, а тон стал чуть тяжелее:

— Сяо Шу, ты же такой добрый. Подумаешь, какие-то копейки, забудь.

Шэнь Синлань поднял на него взгляд, полный сосредоточенности. Легкий ветерок коснулся края одежды юноши; собеседник обладал мягким и чистым нравом, говорил ласково и сиял, словно луна в лесной чаще.

Заметив, что он долго молчит, система поинтересовалась:

— О чем ты думаешь?

В уголки губ Шэнь Синланя закралась крошечная ямочка от улыбки, и он тихо произвел:

— Думаю о том, почему мусор не сидит в мусорном ведре, а с таким наглым видом разговаривает с людьми.

Юноша выглядел до того безобидно, что было трудно представить, будто столь мягким голосом можно произнести подобные слова. Система на мгновение остолбенела.

Перед тем как попасть в этот мир, Шэнь Синлань получил сюжетную линию, и одного лишь первого взгляда на Хэ Шэньюаня никак не хватало, чтобы связать его с тем образом, который вскоре станет с истеричными криками орать на Хэ Шу, требуя, чтобы тот убирался из этого дома.

Сначала — разбитые часы, а затем постепенно, лишь потому, что Хэ Юй натерпелся в жизни лишений, и потому, что семья перед ним в долгу...

Поэтому Хэ Шу не должен с ним соперничать. Будучи старшим братом, он обязан заботиться о младшем, а значит, все тяготы должен проглотить сам.

Хэ Шу потерял всего лишь часы за сто тысяч, но зато Хэ Юй потерял миллиарды лейкоцитов — когда он нечаянно разбил часы, то ушиб запястье, содрал кожу и пошла кровь.

Раз уж Хэ Юй так корит себя и испытывает чувство вины, как Шэнь Синлань может продолжать с ним спорить?

Тогдашний Хэ Шу не мог этого постичь. Внезапно его статус изменился, и он оказался чужаком, у которого не было с семьей Хэ никакой кровной связи, в то время как те, кто прежде баловал его, один за другим начали склоняться на сторону вернувшегося из бедного приграничья Хэ Юя.

Он ничего не понимал. А Хэ Юй, полностью оправдывая свое имя, чувствовал себя в семье Хэ как рыба в воде: всего за полмесяца ему удалось заставить всех домашних полюбить этого чистого, простодушного и сладкого на язык паренька.

С тех пор по утрам за столом прибавлялась еще одна пара палочек для еды, в машине, отвозившей Хэ Шу в школу и забирающей обратно, появился еще один пассажир, а оба старших брата стали всю опеку Хэ Юя в учебном заведении.

Испытывая сильнейший диссонанс, Хэ Шу с трудом переваривал перемену в отношении родных и мог лишь смириться — появление еще одного брата ведь вряд ли было чем-то плохим, верно?

Но он не умел показывать Хэ Юю искреннюю теплоту. Тот же, словно маленькое теплое солнышко, следовал за ним по пятам, то и дело заискивающе окликая: братец то, братец се. Заметив у Хэ Шу новейшие кроссовки, Хэ Юй показывал зависть, а увидев его рисунки, восхищенно восклицал, как же здорово брат умеет рисовать.

Под натиском всевозможных знаков внимания, искренних или нет, броня Хэ Шу постепенно таяла — ровно до того дня, когда он случайно услышал разговор матери Хэ и Хэ Юя.

Они стояли в маленьком садике. Что именно произошло, было неясно, но Хэ Юй плакал, непрерывно всхлипывая, и слезы непрерывным потоком катились из его глаз.

<http://bllate.org/book/26521/3174720>